

Проблемы российской истории XX века в контексте философии надежды

1. Многообразие объяснительных схем при анализе российской советской и постсоветской истории в большинстве случаев строится по модели, предложенной М.Вебером при анализе социального действия. Сначала формулируется некий идеально-нормативный тип желательного (согласно логике, культуре, истории) протекания событий, а затем все реально происходящее классифицируется по мере удаления или отклонения от него. По сути дела, здесь незримо присутствует – в качестве противоположных полюсов – некая бинарная оппозиция, внутри которой и располагается историческое многообразие событий и действий (разумное-неразумное, рациональное-нерациональное, эффективное-неэффективное и т.д.). Реальное переживание исторической ситуации поражения еще более усиливает значимость данной методологической парадигмы. Однако при этом упускаются из виду познавательные возможности, предоставляемые другими концепциями общества и человека. Одной из таких, на наш взгляд, перспективных конструкций является философия надежды, сформулированная известным немецким философом, теоретическим социологом и культурологом Эрнстом Блохом (1885 – 1977).

2. Одним из основных моментов данной философско-социологической концепции является оправдание феномена дневных мечтаний: они извлекаются из причинно-следственного контекста инди-

видуального страдания, социальной нищеты, культурной слабости и предстают в качестве универсального атрибутивного качества человека и общества. На использовании этого качества построены многие элементы культуры, общественного сознания, социальных изменений. Более того, дневные мечты, а соответственно надежды и многообразные формы индивидуального и группового утопизирования, становятся позитивным, усиливающим, а часто и доминирующим фактором жизнедеятельности. Подобным новаторским разворотом видения известной проблемы, обращением к «Еще-не-Осознанному» Блох, по существу, противопоставил себя предшествующей традиции европейско-платоновского, а также ортодоксально-марксистского общественнознания, но открыл для анализа те стороны человеческого существования, которые прежде не попадали в поле зрения философов и социологов.

3. Подобное видение означает возможность построения некоей модели «человека мечтающего», выступающей не в качестве противоположности модели «человека разумного», а дополняющей и рядоположенной ей. Основной особенностью данной модели может выступать акцентирование мечтания как доминанты, влияющей на все компоненты поведения человека. В разных исторических ситуациях мечтание может выполнять различные функции, но именно оно зачастую оказывается решающим фактором, определяющим выбор той или иной стратегии социального действия и взаимодействия. Подобное акцентирование «мечтательной рациональности» позволяет лучше представить особенности русско-советской культуры: ведь вся она была построена на эксплуатации различных индивидуальных и групповых мечтаний, однако из-за особенностей советской идеологии это фундаментальное обстоятельство не было адекватным образом проанализировано, подобно аналогичным проблемам с анализом феноменов труда, альтруизма, патриотизма.

4. Тогда историческая ситуация модернизации (советизации) и ее результаты, вообще социальные изменения в российской истории предстают не в негативных определениях «обмана», «неразви-

* Канд. филос. наук, Институт философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург).

тости», «неспособности», подразумевающих так или иначе некую иррациональную составляющую поведения масс, а как результат действий особого типа личности (или же как преобладание некоего особого типа социального действия), получившего в определенных исторических условиях массовое распространение. Соответственно, все замечания об устремленности советской культуры и идеологии в будущее, отсутствие ценности настоящего, феномены «соборности», «коллективизма», «русского бессознательного», «отвлеченности», разрыва с предшествующей исторической традицией, поиски социального Нового могут быть проинтерпретированы в ином свете и получить соответствующую легитимацию. В отношении мечты, надежды, утопии должна быть проделана та же процедура, которую осуществил Э.Гуссерль, связав науку с жизненным миром индивида. Многочисленные социальные, технические, архитектурные утопии получают тогда фундаментальное обоснование как проявление универсальной способности мечтания и надежды, а не только как специализированное средство по изменению социальной реальности. Разработка философии надежды, включающей в себя специфическую модель (социальный тип) «человека мечтающего», проявляющуюся в многочисленных формах культурной, исторической, идеологической, социальной «мечтательной рациональности» и взаимодействующую с ними, позволит дать более адекватную интерпретацию российской истории XX века.

Е.В.Рубцова*

**Кризис культуры и искусства:
версии П.Сорокина и Н.Бердяева**

Если знаком эпохи являются смятение и хаос, я вижу в основании такого смятения разрыв между вещами, словами, мыслями, знаками, которые эту эпоху представляют.

А.Арто

Словом «кризис» сегодня никого не удивишь – мы постоянно слышим об экономических, политических, социальных кризисах. Кризис культуры зачастую рассматривается в одном ряду с ними. Слышны заявления, что на рубеже тысячелетий человечество испытывает глобальный кризис, – ни одна из сторон человеческой жизнедеятельности не может быть не затронута кризисной ситуацией. В России тема кризиса стала звучать особенно настойчиво на рубеже XIX и XX веков – практически ни один российский философ не мог остаться в стороне от этой темы. В осмыслении проблем духовной культуры России первой половины XX века значительное место занимает наследие таких мыслителей, как Н.Бердяев и П.Сорокин.

П.Сорокин, – признанный на Западе русский философ и социолог, – считал, что кризис культуры – не какое-то отдельное явление, а кризис всей жизни, распад основополагающих форм культуры.

* Философский факультет Уральского государственного университета (г. Екатеринбург).